

УДК 341.9.01
ББК Х93

Н.В. АЛЕКСАНДРОВА

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОЛЛИЗИЙ
В ДОКТРИНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА**

Ключевые слова: коллизия, коллизионная норма, иностранный элемент, материальные нормы, столкновение, правовая система, иностранное государство, международное частное право.

Современный этап научных исследований связан с повышением значимости доктринального аспекта. Данная статья посвящена исследованию коллизионных норм в науке международного частного права. Автор доказывает правовую связь материально-правовых норм с коллизионно-правовым методом регулирования отношений при наличии иностранного элемента, а также обосновывает позицию, согласно которой коллизии составляют основу и доктрину международного частного права. Представлены наиболее актуальные точки зрения в исследовании правовой природы коллизионных норм в доктрине частного права.

**N. ALEKSANDROVA
EMERGENCE OF COLLISIONS
IN INTERNATIONAL PRIVATE LAW DOCTRINE**

Key words: conflict, conflict rule, foreign element, substantive rules, collision, legal system, foreign state, international private law.

The modern stage of scientific research is linked with the increasing importance of doctrinal aspect. This article is devoted to the study of conflict rules in the science of international private law. The author proves the legal relationship of the substantive-and-legal rules with conflict-and-legal method of regulating relations in the presence of a foreign element, as well as substantiates her position according to which conflicts make the basis and the doctrine of private international law. The article provides the most relevant points of view on the study of the legal nature of conflict rules in private law doctrine.

Каждая отрасль права характеризуется своим предметом и методом регулирования, которые служат одним из показателей самостоятельности того или иного права (семейного, уголовного, административного, финансового и т.д.). С одной стороны, в конструктивном плане присутствие иностранного элемента в отношениях, регулируемых международным частным правом, порождает правовое явление, называемое «коллизией» законов, вслед за которым возникает и способ правового регулирования. С другой стороны, появление иностранного элемента в частноправовом отношении предопределяет формирование структуры коллизионной нормы, используемой в качестве исходного критерия, т.е. определения состава правоотношения.

Безусловно, коллизионная норма – это сложная норма, структура ее построения отлична от структуры других нормативно-правовых актов, здесь мы имеем объем и привязку. При этом существуют разные точки зрения на механизм применения и действия коллизионной нормы [3. С. 96]. Например, «сделав выбор необходимого закона, коллизионная норма уже прекращает свое регулирующее действие, а дальнейшее регулирование осуществляется только нормами материального права» [5. С. 85].

Профессор М.М. Богуславский пишет, «поскольку коллизионная норма – это норма, определяющая, право какого государства должно быть применено к соответствующему правоотношению, т.е. норма отсылочного характера, ею можно руководствоваться только вместе с какими-либо материально-правовыми нормами, к которым она отсылает, т.е. нормами законодательства, решающими вопрос по существу» [1. С. 85].

Следует отметить, что отечественная доктрина на начальном этапе своего развития рассматривала отрасль международного частного права в виде коллизионного, а именно как совокупность норм для регулирования частных правоотношений, которые были осложнены наличием иностранного элемента, будь то субъект, объект или юридический факт.

По мнению А.Г. Филиппова, главная функция международного частного права – разрешение коллизий законов разных государств, когда вопрос о применении права того или иного государства решается на основании какого-либо логически обоснованного признака, например, по месту события, действия, или по национальному признаку и т.п. Такие вопросы традиционно решаются с помощью коллизионных норм, составляющих основу всего международного частного права, хотя в состав частного права входят также и материально-правовые нормы прямого действия [9. С. 423].

Так, в соответствии со ст. 1210 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) стороны договора вправе при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям. Такое соглашение должно быть прямо выражено или вытекать из условий самого договора. Случаи, связанные с выбором применимого права, могут быть весьма разнообразны. Достаточно отметить, что стороны договора вправе ссылаться на нормы права двух государств, альтернативно, либо исключить применение права отдельных стран вообще, но это не решает возникшую проблему, поскольку требуется установление правопорядка той страны, который наиболее тесно связан с договором, назовем это «объективной привязкой». Таким образом, коллизия права – это объективно возникающее явление, порожаемое двумя причинами: наличием иностранного элемента в частноправовом отношении и различным содержанием частного права разных государств, с которыми это отношение тесно связано.

Коллизионные нормы могут содержаться в самых различных международных договорах и соглашениях и даже в федеральных законах, что вызывает затруднения по определению применимого права, например, к отношениям собственности. Исторически сложившимся принципом, используемым при определении применимого права к вопросам о праве собственности, является закон места нахождения вещи (*lex rei sitae*). В соответствии с п. 1 ст. 1206 ГК РФ возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав на имущество определяются по праву страны, где это имущество находилось в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для возникновения либо прекращения права собственности и иных вещных прав. Из общего правила есть три исключения, признаваемых во многих государствах:

1) касается вещи в пути: при установлении вещного статута берется либо место отправления, либо место назначения вещи;

2) касается водных, воздушных судов, космических объектов: их вещный статут определяется чаще всего местом регистрации;

3) касается имущества ликвидированного юридического лица: статут определяется личным законом юридического лица. Данные три пункта исключения подчиняются коллизионному принципу «*lex rei sitae*». Особые сложности на практике вызывают случаи, когда предметом сделки выступает товар, находящийся в пути (*res in transitu*). В такой ситуации стороны, заключая договор в отношении вещи, перевозимой по морю, воздуху или по суше, могут и не знать с достаточной степенью точности, где в настоящее время эта вещь находится.

Отметим, что при существовании национальных правовых систем, неизбежны и закономерны различия в регулировании одних и тех же имущественных отношений, что порождает проблему определения применимого права. В международной практике нередки случаи, когда субъекты внешнеэкономических отношений намеренно создают или способствуют возникновению ситуации, требующей применения коллизионной нормы. Для Российской Федерации подобная ситуация не новая, но она требует особого правового регулирования, поскольку сделки с иностранными партнерами находятся под особым контролем со стороны государственных органов.

Термин «внешнеэкономическая сделка» закрепляется в ст. 1209 ГК РФ, которая определяет право, подлежащее применению к форме сделки. В соответствии с данной статьей форма такой сделки, если одной из сторон является российское юридическое лицо, подчиняется российскому праву.

Форма сделки в отношении недвижимого имущества подчиняется праву страны, где находится это имущество, а в отношении недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр Российской Федерации, российскому праву, это императивная норма без исключения дополняет и иные законы, регулирующие имущественные правоотношения.

Выбор права сторонами договора определен в содержании ст. 1210 ГК РФ, однако данная норма может быть применима и для внешнеэкономических, и для других видов сделок, поскольку внешнеэкономические сделки не выделены в отдельную главу.

Пунктом 3 ст. 1186 ГК РФ предусмотрено следующее положение: «Если международный договор Российской Федерации содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отношению, определение на основе коллизионных норм права, применимого к вопросам, полностью урегулированным такими материально-правовыми нормами, исключается». Указанная норма ГК РФ означает, что приоритетом пользуется материально-правовая норма, предусмотренная международным договором и поэтому здесь мы не видим необходимости сделать конкретный правовой выбор.

Справедливости ради надо заметить, что в коллизионном праве не достигается единого результата, так как материально-правовые нормы, к которым отсылают коллизии, не совпадают. По мнению Ю.А. Тихомирова: «Коллизии нередко несут в себе и положительный заряд, ибо служат свидетельством

нормального процесса развития, или же выражают законное притязание на новое правовое состояние. Все это делает юридические коллизии в какой-то мере неизбежными и естественными» [8. С. 7].

В современной доктрине международного частного права нет недостатка в различных концепциях построения единой, т.е. обязательной для всех государств системы коллизионных начал и принципов, более того большинство позиций основаны на расхождении коллизионных и материальных норм, так как именно такое регулирование позволяет достичь максимального эффекта при разрешении возникающей частноправовой проблемы.

В научной литературе по международному частному праву существует ряд высказываний о том, что коллизионная норма вместе с той нормой, к которой она отсылает, составляет общее руководство для участников соответствующих отношений. Так, Л.А. Лунц считал, что «коллизионная норма вместе с той материально-правовой нормой, к которой она отсылает, образует настоящее правило поведения для участников гражданского оборота» [4. С. 201].

«При всей её специфичности, – отмечал также С. Н. Лебедев, – сама коллизионная норма, образуемая вместе с той материально-правовой нормой, к которой она отсылает, подлинное правило поведения для субъектов регулируемого международного гражданского отношения, является гражданско-правовой нормой, а возможный спор между этими субъектами о применимом законе есть спор о праве гражданском» [2. С. 64]. Позволим себе согласиться с данным утверждением.

В то же время наиболее удачно мнение профессора О.Н. Садикова, который проясняет: «коллизионная норма не просто отсылает к определенной правовой системе, а отыскивает право, которое наиболее приемлемо для регулирования данных отношений» [7. С. 148]. На практике наблюдается, что коллизионная норма чаще всего отсылает к неопределенному кругу материально-правовых норм.

Выделяя сложности, возникающие в ходе применения коллизионных норм, исследователь Л.А. Лунц справедливо заметил, что коллизионная норма отсылает не к отдельной изолированной иностранной правовой норме, а к иностранной правовой системе в целом, сведение определения компетентного закона только к выбору между изолированными нормами различных правопорядков означало бы, что «применяется не живая норма права какого-либо государства, а норма, которая в сущности не имеет нигде действия. Ведь норма права, выделенная из состава правовой системы, к которой она принадлежит, мертва и во всяком случае лишается в значительной мере своего содержания» [4. С. 137].

Такого же мнения придерживается И.С. Перетерский: «Правоотношение с иностранным элементом регулирует только та норма, на которую ссылается коллизионная норма. Это особенно ясно в тех случаях, когда коллизионная норма отсылает к конкретному закону. Так, нормы иностранного права сами по себе не имеют обязательной силы для суда иного государства, они не являются нормами правовыми в том государстве, где обсуждается правоотно-

шение с иностранным элементом. Лишь коллизийная норма дает силу нормам иностранного права» [6. С. 26].

Вполне возможно возникновение коллизии права, заключающееся в том, что одним и тем же обстоятельствам дела может быть дана различная юридическая оценка в соответствии с правом разных государств. Однако сложность проблем применения коллизийного способа регулирования порождает трудности в правовой регламентации гражданских правоотношений, осложненных иностранным элементом. В целом принципиально важно учитывать и тот факт, что природа коллизий обусловлена предметом их правового регулирования – определением применимого права на основе соглашения самих сторон.

В заключение следует подчеркнуть, что коллизийные нормы, с одной стороны, возникают и существуют в качестве самостоятельных правовых явлений, а с другой – участвуют в механизме регулирования международных отношений путем воздействия на них как фактор взаимодействия национальных правовых систем государств.

Литература

1. Богуславский М.М. Международное частное право. М.: Юрист, 2001. 462 с.
2. Лебедев С.Н. О природе международного частного права // Советский ежегодник международного права. 1979. М., 1980. С. 61–80.
3. Левитин А.Б. К вопросу о предмете МЧП // Правоведение. 2009. № 3. С. 95–101.
4. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Бек, 2002. 1007 с.
5. Морева Р.Б. Методы правового регулирования международного частного права: вопросы теории, выбора права и способов разрешения коллизий // Евразийский юридический журнал. 2008. № 5. С. 85–90.
6. Перетерский И.С. Система международного частного права // Советское государство и право. 1946. № 8-9. С. 17–30.
7. Садиков О.Н. Коллизийные нормы // Международное частное право. Современные проблемы / отв. ред. М.М. Богуславский. М.: ТЕИС, 1994. 205 с.
8. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия: власть и правопорядок // Государство и право. 1994. № 1. С. 3–11.
9. Филиппов А.Г. Некоторые аспекты автономии воли в российском международном частном праве // Актуальные вопросы гражданского права: сб. / под ред. М.И. Брагинского. М.: Статут, 1999. 464 с.

References

1. Boguslavskii M.M. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private international law]. Moscow, Yurist Publ., 2001, 462 p.
2. Lebedev S.N. *O prirode mezhdunarodnogo chastnogo prava* [About the nature of private international law]. *Sov. ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1979* [Soviet international law annual. 1979]. Moscow, 1980, pp. 61–80.
3. Levitin A.B. *K voprosu o predmete MChP* [To the question of the subject of International Private Law]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2009, no. 3, pp. 95–101.
4. Lunts L.A. *Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: v 3 t.* [Course of international private law. 3 vols.]. Moscow, 2002, 1007 p.
5. Moreva R.B. *Metody pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnogo chastnogo prava: voprosy teorii, vybora prava i sposobov razresheniya kollizii* [Methods of legal regulation of private international law: issues of theory, choice of law and ways of resolving conflicts]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian law journal], 2008, no. 5, pp. 85–90.

6. Pereterskii I.S. *Sistema mezhdunarodnogo chastnogo prava* [The system of private international law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1946, no. 8-9, pp. 17–30.

7. Sadikov O.N. *Kollizionnye normy* [Conflict rules]. In: Boguslavskii M.M., ed. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Sovremennye problemy* [Private international law. Modern problems]. Moscow, TEIS Publ., 1994, 205 p.

8. Tikhomirov Yu.A. *Yuridicheskaya kolliziya: vlast' i pravoporyadok* [A legal conflict: the power and the rule of law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 1994, no. 1, pp. 3–11.

9. Filippov A.G. *Nekotorye aspekty avtonomii voli v rossiiskom mezhdunarodnom chastnom prave* [Some aspects of the autonomy of will in the Russian international private law]. In: Braginskii M.I., ed. *Aktual'nye voprosy grazhdanskogo prava: sb.* [Topical issues of civil law: collection]. Moscow, Statut Publ., 1999, 464 p.

АЛЕКСАНДРОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nadyaalex@list.ru).

ALEKSANDROVA NADEZHDA – Ph.D. in Law, Associate Professor, Civil and Legal Disciplines Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.
